

Стыдно быть несчастливым

Культура. — 1999. —
11-17 февр. — с. 9.

Александр Володину — 80

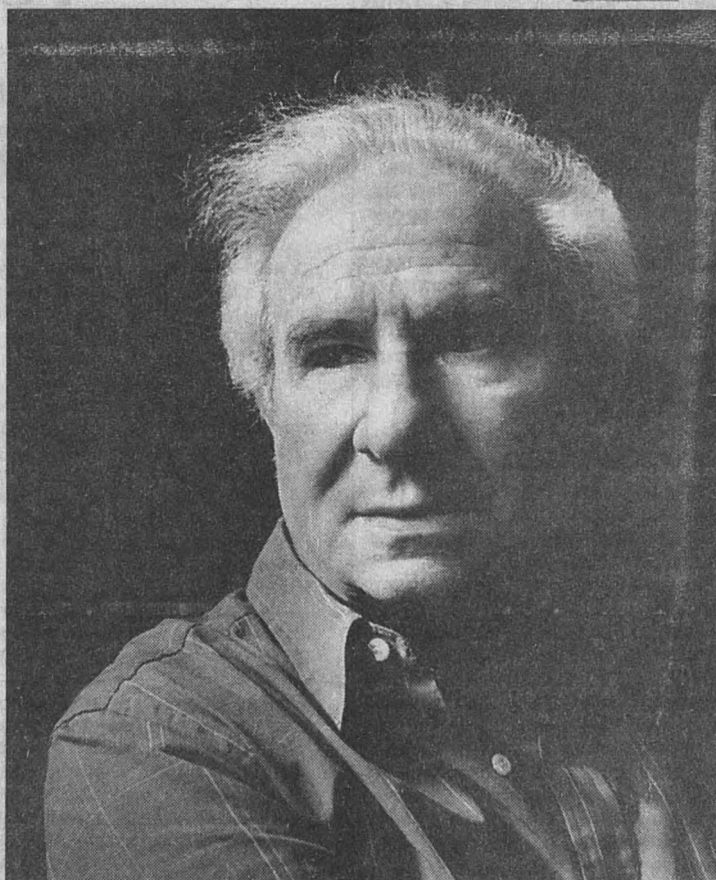

Фото А. КРУПНОВА

Володин живет на Петроградской. Болеет. Виздоравливается. Пишет "Записки нетрезвого человека", давно и не первый в русской литературе превратив нетрезвость — в идеологию. Его присутствие в культуре, в городе, на Петроградской ощущается постоянно. Потребность в его простых стихах и старых пьесах становится все более сильной. В том числе — у молодых. Он, действительно единственный ленинградский классик, живет, всю жизнь не умея сказать "нет", вечно терзаясь какими-то "ошибками и стыдами".

Но в последнее время, накануне своего 80-летия, Володин удивительно активен, ясен, бодр. Былые периоды черноты, слава Богу, сменились интересом к жизни. "Я ужасно политизирован. Я смотрю телевизор, не понимаю, кто чего стоит, но я никогда не был так политизирован!"

Володин родился 10 февраля, в день смерти Пушкина — создателя журнала "Современник". Как все-таки замысловато сходятся звезды, если судьба Володина навсегда осталась связанной с Театром "Современник" в его молодые годы.

Он действительно прошел огонь, воду и медные трубы. Огонь войны, воду "оттепели". Что же касается медных труб, то при упоминании имени Володина они как-то сами собой превращаются в отряд горнистов с лицами Ролана Быкова из "Звонят, откройте дверь!". Сквозь их строй скромно шествует Александр Моисеевич Володин — автор "Фабричной девчонки", "Пяти вечеров", "Старшей сестры", "Матери Иисуса", "Ящерицы", "Осеннего марафона"... Список нужно прервать, ибо отсутствие какого-либо володинского названия искажает историю отечественного театра.

— Александр Моисеевич, когда была война и потом, позже, вы представляли себе, как будете праздновать свое 80-летие?

— Что ты, совершенно в голову не приходило! Я всю жизнь не отмечал не только юбилеев, но даже дней рождения. Сначала жил у чужих людей, они даже не знали, есть у меня день рождения или

нет. Потом — армия. Там были не дни рождения, а дни Красной Армии. Потом — война. Потом мучительная жизнь. Еле дотягивали от зарплаты до зарплаты. Помню только один раз жена в день рождения принесла чекушку. Никто больше не пил — ни она, ни сын (ему было четыре года) — и вся чекушка осталась мне. Это почти до слез меня тронуло, но это была такая дыра в нашем бюджете! Дней рождения не было и дальше, по привычке. Я к ним не привык.

— Понятно, что последнее время вы даете много интервью. О чем вас спрашивают чаще всего?

— Вопросы меняются. Долгие годы на встречах меня спрашивали: "Есть ли у вас машина?" Я говорил: "Нет", — и мне хлопали. "Есть ли у вас дача?" — "Нет", — и за это тоже аплодировали. И эти аплодисменты мне были дороже всего. А те-

перь уже трудно. Спрашивают: "Над чем вы сейчас работаете?" Я отвечаю — работой это назвать трудно, это "Записки нетрезвого человека". Как я был не совсем трезвый, когда начинал их писать, так я и сейчас не совсем трезвый, когда продолжаю их писать. Нужны ли они кому-нибудь или нет — неизвестно. Когда-то я написал четыре строчки:

Убитые остались там,
А мы, пока еще живые,
Все допиваем фронтовые,
Навек законные сто грамм.

И с утра я иду в свою рюмочную (теперь она называется "Стаканчики") и выпиваю сто граммов. Там работают разливальщицы, которых я всех люблю, каждую по-своему. Я называю этих девочек — "завлекалочка", потому что они увлекают хотя бы с ними пообщаться. Они умные, некоторые с высоким образованием, с необычно-

венным кругозором, с мгновенной реакцией. Даже усталые, они умеют улыбаться тем, кто пришел к ним.

— А чем счастье отличается от несчастья?

— Счастье — это очень мимолетное состояние. Вдруг раз — и тебя пронзит ощущение того, что кто-то тебе дорог или что-то хорошее произошло в твоей душе или душах близких людей. Пронзило — и прошло. Мгновенное счастье. А несчастье — длительное. Вот у меня были такие строчки: "Длинная, долгая смерть отнимает дни у маленькой щедрой жизни..." Во всем наступает разочарование. Разочарование, несчастье — это долгое, долгое, а счастье — это мгновение, которое пронзает и преодолевает все долгие разочарования: и неуверенность в себе, и все плохое в душе.

— Когда перечитываешь ваши книжки, кажется, что все равно эту жизнь сопровождала какая-то надежда. А сейчас в нашей жизни на что надеяться?

— Есть надежда, что внуки или правнуки выберутся из нашей духовной и прочей нищеты.

— Это как при социализме? Перетерпите временные трудности — и ваши дети будут жить в светлом будущем?

— Да, тогда так было. Удивляло только, что рабочий класс медлит с мировой революцией... А на твой вопрос я отвечу таким стихом:

Неверие с надеждой так едины!
То трезвое неверье верх берет,
И блик надежды
угасает, стынет,
Но так уже бывало.

В прошлый год,
И в те года, века, тысячелетия
Надежды все обманывали нас.
И свет надежды
все слабее светит,
Слабее светит.

Как бы не погас...

Вот такой стихок.
— Мы, женщины, пытаемся верить, что все спасает любовь.

— Мы тоже.
— Что такое хорошо?

— Хорошо — это когда вдруг влюбляешься в женщину. Со стороны даже. А она и не знает об этом. Но тогда я боюсь эту женщину. Второе "хорошо" — когда ты уверен, что у тебя работа не получилась, когда ты знаешь, что в ней и

почему нехорошо, знаешь, что это твой стыд, никому не показываешь, и вдруг это оказывается людям нужно. Так было с "Пятью вечерами". Перед премьерой завлит БДТ Дина Шварц дала мне билетик для знакомых. Я вышел на улицу, где стояла толпа (спектакль же Товстоногова!) и начал знакомых просить: "Не идите, это маленькая пьеска", — как будто кто-то мог уйти со спектакля Товстоногова. То же самое было с просмотром "Осеннего марафона". Начальство смотрело, а я думал: "Как длинно, как скучно...", а потом мне мужики звонят: "Что же ты сделал, ты же все наши секреты раскрыл!"

— "Бузыкинство" вообще-то пола не имеет, все мы отчасти Бузыкины. Я, например, часто себя им чувствую: не в смысле вранья, а — "Давай?" — "Давай!" — "Побежали?" — "Побежали". Один приходит — нужно одно, бежишь в эту сторону, другой — другое, тоже бежишь...

— Точно! У меня даже есть подбие стишка:

Бежать, бежать,
от этих — к другим.
От близких, родных — к чужим,
незнакомым, непонятым...

Вот такое ощущение.

— Спрятаться хочется?

— Да. Но когда долго прячешься — жизнь угасает.

— У вас так бывало — сплошное "я уединился, я замкнулся, ни с кем не общаюсь..."?

— Бывало, еще как бывало! Особенно, если вдруг приходит человек, который тебе неприятен, ты с ним выпиваешь...

— А с кем бывало напиваться лучше всего — из приятных?

— Ты знаешь, довольно много. С Ефремовым мне было легко, с "Современником", с абсурдистом Олби. Они тогда приехали со Стейнбеком отбирать людей, которых можно пригласить в Америку. Они отобрали Аксенова, Вознесенского, Некрасова, Евтушенко и меня. И так хорошо было с Олби выпить! Хотел бы выпить и с Янковским. Но это кумир всех времен и народов. Со мной здоровался за руку Караченцов. Вот с этими бы...

— Чего вы больше всего не любите в людях?

— Самовлюбленности, высокомерия, неоправданной уверенности в себе, не люблю людей, дума-

ющих, что они безупречны, волевых людей без совести и душевных мучений, которые готовы взять в свою власть другого человека.

— А какое чувство вы сам испытываете чаще всего?

— Вину и угрызения совести. Вот у меня есть такие строчки:

Винových я клеймил, ликуя.
Теперь другая полоса.
Себя виню, себя клянущу,
Одна вина сменить другую
Спешит, дав третьей полчаса.

— Последнее время вы снова стали писать стихи. Полтора года назад, например, этого не было.

— Не было. Хотя иногда вдруг... понемножку... чего-то захочется... Но это не мое дело. Здесь мне не трудно, а, наоборот, легко. Потому что тут я не отвечаю ни за что, я имею право плохо писать стихи. Как получится — так получится.

— Когда-то вы написали: "Стыдно быть несчастливым". А что теперь: стыдно быть счастливым или стыдно быть несчастливым?

— Ничего не стыдно.

— Отдельная тема — "володинские женщины". В русской литературе есть "тургеневские женщины", есть "чеховские" и есть ваши. А что самое лучшее в женщинах?

— Что меня волнует в любой женщине? То, что я могу преклоняться перед ней, перед чудом. И то, что я могу жалеть ее. Преклонение и жалость — вот это меня поражает в женщине мгновенно. Галина Волчек как-то сказала: "Володин любит официанток". И это правда. Знаешь, когда я первый раз пришел в свою забегаловку, одна разливальщица меня спросила: "А закуска?" Я сказал: "Ваша улыбка". И она мне улыбнулась.

— Кого из ваших героев вы любите до сих пор?

— Мне трудно сказать. Ведь все они идут изнутри меня самого, а я себе не нравлюсь, всю жизнь с собою не в ладу. Потому я сочувствую своим героям, стыжусь за них и в то же время понимаю: ну что же, значит, так тебе суждено жить...

Беседу вел
Марина ДМИТРЕВСКАЯ